Кеннет Грэм

Ветер в ивах

Иллюстрации Роберта Ингпена

Кеннет Грэм

Ветер в ивах

«Азбука-Аттикус»

1908

УДК 821.111-34-93
ББК 84 (4Вел)

Грэм К.

Ветер в ивах / К. Грэм — «Азбука-Аттикус», 1908

ISBN 978-5-389-12039-6

«Ветер в ивах» – детская повесть, которую с равным удовольствием читают дети и взрослые. Написанная и изданная в начале прошлого века в Англии, она разошлась по всему миру, переведена на множество языков. Читателям полюбились её герои – разумный и добрый Крот, гостеприимный, рассудительный Водяной Крыс, тщеславный Жаб, суровый, надёжный в дружбе Барсук и другие обитатели Речного Берега и неприветливой Дикой Чащи. Их приключения, забавные, а порою опасные, кончаются хорошо лишь потому, что все они готовы прийти друг другу на выручку.Это издание сопровождают прекрасные иллюстрации Роберта Ингпена, созданные для юбилейного издания, приуроченного к столетию первой публикации книги.

УДК 821.111-34-93
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-389-12039-6

© Грэм К., 1908
© Азбука-Аттикус, 1908

Содержание

Об авторе 6
От художника 8
1. Речной берег 9
2. Большая дорога 24
3. Дикая чаща 38
4. Барсук 50
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Кеннет Грэм
Ветер в ивах

Kenneth Grahame
THE WIND IN THE WILLOWS

Стихи в переводе
Михаила Яснова

© Колотов А. З., перевод на русский язык, 2017
© Яснов М. Д., стихи, перевод на русский язык, 2017
© Illustrations copyright (2006) Robert Ingpen
Created by Palazzo Editions LTD, Bath, United Kingdom
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
Machaon®

* * *

Об авторе

Кеннет Грэм родился в 1859 году в Эдинбурге. Отец его был адвокатом. В возрасте пяти лет мальчик лишился матери, и отец отослал детей (Кеннет был третьим ребёнком в семье) в Беркшир, где жила бабушка. Там, на берегах Темзы, мальчик на всю жизнь полюбил идиллический английский пейзаж и впоследствии воспроизвёл его на страницах «Ветра в ивах».

В школе Св. Эдварда, в Оксфорде, куда отправили Грэма, он показал хорошие результаты и в учёбе, и в спорте и собирался поступить в Оксфордский университет. Однако это оказалось семье не по карману, и вместо продолжения учёбы Грэму пришлось в 1879 году поступить клерком в Английский банк, где он постепенно дослужился до управляющего. Параллельно с карьерой Кеннет, чтобы скрасить унылую каждодневную рутину, начинает заниматься литературой. Его произведения появляются в печати и попадают даже в престижный журнал «Национальный обозреватель» («National Observer»). В 1893 году выходит сборник рассказов «Языческие заметки», за ним ещё два – «Золотой век» и «Время грёз». Читающая публика благосклонно приняла их, но вскоре они оказались забыты.

В 1899 году Грэм женится на Элспет Томсон, даме довольно высокомерной, их брак оказался несчастливым. У них родился единственный сын Алистер, которого в домашнем кругу называли Мышонком. Его упрямый характер вдохновил Грэма на создание образа мистера Жаба – героя сказок, которые он начал рассказывать сыну перед сном, когда мальчику исполнилось четыре года. Затем Грэм собрал сказки воедино и обработал как цельное произведение. Опубликованный в 1908 году «Ветер в ивах» имел оглушительный успех.

Грэм бросил службу «по состоянию здоровья», не доработав до пенсии. Он продолжал писать, наслаждаясь сельской жизнью, но ничего заметного из-под его пера больше не вышло.

Когда же в девятнадцать лет трагически погиб Алистер, Грэм окончательно замкнулся в себе и в 1932 году тихо скончался у себя в доме, в Беркшире.

От художника

Сегодня, через сто лет после выхода в свет, «Ветер в ивах» с его необычными персонажами, живущими у реки в пасторальной тишине Южной Англии, по-прежнему остаётся одной из самых любимых и популярных детских книг. Поэтому на художнике лежит особая ответственность: с помощью картинок донести до современных детей, к чьим услугам сегодня и кино, и телевизор, и видеозаписи, подлинную историю так, как она была написана автором.

Картинки к этой книге нужны особенные. Кто-то может сказать, что картинки здесь вообще не нужны, потому что каждый сам легко представит себе, какими были они – Крот, Крыс, Барсук, мистер Жаб. Ведь красочных описаний Грэма, «нарисовавшего» нам речные берега и Жабсфорд, Дикую Чащу и остров Пана, вполне достаточно для того, чтобы ребёнок представил всё себе так, как представлял себе, читая первое, не иллюстрированное, издание.

Наше издание, выпускаемое к столетнему юбилею книги, можно назвать «полностью иллюстрированным». Мы посвящаем его щедрому таланту Кеннета Грэма и мастерству всех художников, которые своими рисунками старались сделать великую книгу ещё прекраснее. В их числе непременно должны быть названы Артур Рэкхем и Е.Х. Шеппард, творившие в те времена, когда ещё не было ни цветных принтеров высокого разрешения, ни возможностей глобального книгоиздания.

1. Речной берег

Всё утро Крот усердно трудился: пришла пора весенней приборки. Шваброй и щёткой, метлой и мокрыми тряпками – полы и лестницу, мебель и коврик… В горле у него першило от пыли, мыльная пена забрызгала чёрный мех, спину и ноги ломило от усталости.

В воздухе и на земле всё дышало весной. Даже в его низкий и тёмный домик проникал дух смутного весеннего беспокойства, и надо ли удивляться, что он в конце концов выпрямился, бросил тряпки и щётки и со словами «Хватит!», «Довольно!» и «Ну её, эту приборку!» выбежал из дома, даже не накинув пальто. Его как будто властно окликнул кто-то, и он устремился вверх по крутому тоннелю, который оканчивался выходом в проулок, принадлежавший зверькам, живущим ближе, чем он, к солнцу и воздуху. Он продирался и пробирался, рыл, скрёб, копал, отбрасывал землю и снова рыл, копал, скрёб и, приговаривая: «Вверх отсюда! Вверх отсюда!» – вырвался наконец на свет и перекувырнулся несколько раз на тёплой траве просторного луга.

– Чудесно! – сказал он себе. – Ну её, эту приборку!

Солнце согрело ему мех, ласковый ветерок освежил, и после ватной тишины зимних месяцев радостный птичий пересвист едва не оглушил с непривычки. Подскакивая на всех четырёх, радуясь жизни и весне без весенней приборки, он промчался по лугу и очутился у дальней изгороди.

– Стой! – крикнул ему от ворот пожилой кролик. – Частная собственность! За проход шесть пенсов.

Развеселившийся Крот перескочил с разбегу через него и потрусил вдоль забора, посмеиваясь над остальными кроликами, опоздавшими к началу ссоры.

– Луковый соус! Под луковым соусом! – презрительно бросил Крот и был таков, прежде чем они успели придумать достойный ответ.

Кроликам ничего не оставалось, кроме как обвинять друг друга в нерасторопности:

– Балбес! Ты бы ему сказал!..

– А ты-то что же молчал?

– Нужно было ответить вот как…

Но всё это уже было поздно и ни к чему.

Вокруг было так хорошо, что Крот на секунду зажмурился. Он весело бежал по лугам и рощицам, вдоль живых изгородей, и всюду птицы строили гнёзда, почки лопались, цветы распускались, все были очень счастливы и очень заняты. Но, странное дело, Крота не мучили ни угрызения совести, ни воспоминания о недомытом коридоре; наоборот, так хорошо было слоняться бездельником среди озабоченных сограждан. В конце концов, не так радует отдых сам по себе, как праздное наблюдение за чужой работой.

Счастье его, казалось, было уже полным, когда он вышел на берег большой реки. В первый раз в жизни Крот увидал реку. Её всхолмленная гладь, как сытый зверь, неслась мимо и усмехалась, урча, хватала всё, до чего могла дотянуться, со смехом отбрасывала и вновь тянулась к оставленному только что. Глаза слепили блеск и мерцание воды, то и дело вспыхивали и гасли искры и яркие отблески, воздух наполнялся шуршанием, шелестом, бульканьем и неразборчивой болтовнёй. Крот был заворожён, околдован, он шёл вдоль берега, как идёт рядом со взрослым малыш, в нетерпении ловя каждое слово из его чудных рассказов. Устав, Крот сел на землю, а река всё говорила, говорила ему о чём-то, рассказывала небывалые истории, что зарождаются в глубинах земли и тонут в ненасытном море.

Так он сидел на траве, рассматривал противоположный берег и, остановив взгляд на тёмной норе, видневшейся над самой водой, подумал, как хорошо было бы поселиться в ней зверьку со скромными потребностями и жить, радуясь красоте реки, вдали от шума и пыли, на безопасной высоте, чтоб не залило в паводок. Вдруг в глубине норы мелькнул огонёк, погас и

загорелся опять, словно далёкая звёздочка. Но звезде неоткуда было там взяться, а светлячок, пожалуй, светился бы ровнее и ярче. Огонёк подмигнул. Значит, это был глаз? Потом, как рама вокруг картины, вокруг глаза обрисовалась мордочка.

Мордочка была:

коричневая, усатая;

очень серьёзная;

с блестящими глазами, минуту назад привлёкшими его внимание;

с аккуратными ушками, с густой, гладкой шерстью.

Это был Водяной Крыс!

Зверьки внимательно посмотрели друг на друга.

– Привет, Крот! – сказал Крыс.

– Привет, Крыс! – сказал Крот.

– Хочешь перебраться ко мне? – спросил Крыс.

– Хорошо тебе предлагать, – обиженно ответил Крот.

Новичок в речных делах, он пока не знал, как здесь что делается.

Без лишних слов Крыс наклонился, отвязал верёвку и переступил в не замеченную Кротом маленькую лодочку. Лодочка была снаружи синяя, изнутри белая, размером как раз на двоих, и Крот влюбился в неё с первого взгляда, ещё не успев понять, для чего она, собственно говоря, нужна.

Крыс быстро пересёк реку, причалил и протянул лапу осторожно спустившемуся к воде Кроту.

– Смелее, – сказал Водяной Крыс. – Обопрись и не бойся.

И Крот неожиданно, как во сне, очутился на кормовой банке настоящего ялика.

– Ах, что за денёк! – молвил он, когда Крыс взял вёсла и оттолкнулся от берега. – Знаешь, а я ведь первый раз в жизни в лодке сижу.

– Что?! – вскричал изумлённый Крыс. – Ты никогда… то есть как? Где же ты пропадал?!

– Здесь всегда так же славно? – спросил Крот, заранее готовый во всё поверить при виде уключин, вёсел и других чудес, мягко покачивающихся вместе с лодкой.

– Славно? – переспросил Водяной Крыс. – Неправильное ты слово нашёл. Поверь мне, мой юный друг, нет в мире ничего, хотя бы наполовину сравнимого с прогулками на лодках. Просто прогулки, – дремотно забормотал он, – прогулки на лодках или даже без лодок, только бы…

– Крыс, осторожнее! – закричал Крот, но было поздно.

Лодка на полной скорости врезалась носом в берег, и замечтавшийся гребец оказался на спине с задранными кверху лапами.

– Только бы лодки были поблизости, – невозмутимо улыбаясь, сказал Крыс вставая. – Впрочем, и это не важно. Ведь в чём вся прелесть этих прогулок? Можно куда-нибудь отправиться, а можно никуда и не отправляться, едешь ты, куда тебе надо или куда не надо, или вообще никуда не едешь – ты всё время занят, хотя ничего не делаешь. А когда сделаешь всё, то, если захочешь, найдёшь себе новое занятие, но, кстати, если не захочешь, то и не найдёшь. Послушай! Если у тебя сейчас нет важных дел, почему бы нам не поплыть вниз по реке и не провести день на свежем воздухе?

Крот от избытка чувств пошевелил пальцами, счастливо, глубоко вздохнул, прикрыл глаза и облокотился на мягкую спинку сиденья.

– Ах, что за денёк! – молвил он. – Как здорово! Поехали, я готов.

– Нет уж, минуточку подожди, – ответил Крыс.

Он привязал лодку к причалу, поднялся в нору и вскоре вышел оттуда, сгибаясь под тяжестью огромной плетёной корзины.

– Поставь в ноги, – велел он Кроту, отвязал чалку и сел на вёсла.

– Что в ней? – поинтересовался Крот, сгорая от любопытства.

– Салат, маринад, кока-кола, лимонад, – деловито отвечал Крыс, – цыплята табака, кусочек языка, свиная отбивная, бублики, рогалики, шоколадные пирожные, земляничное мороженое…

– Хватит, хватит! – в восторге закричал Крот. – Нам этого за неделю не съесть!

– Ты думаешь? – без тени улыбки отозвался Водяной Крыс. – А я всегда так готовлюсь к вылазкам. И ведь поворачивается же у кого-то язык сказать, что я, мол, – ты представляешь?! – не упущу своего и не пронесу кусок мимо рта!

Но Крот ничего не слышал. Поглощённый открывшейся ему новой жизнью, зачарованный мерцанием солнечных искр, ропотом течения, запахами, звуками, солнцем, он опустил лапу за борт и грезил наяву. Крыс грёб и не тревожил его.

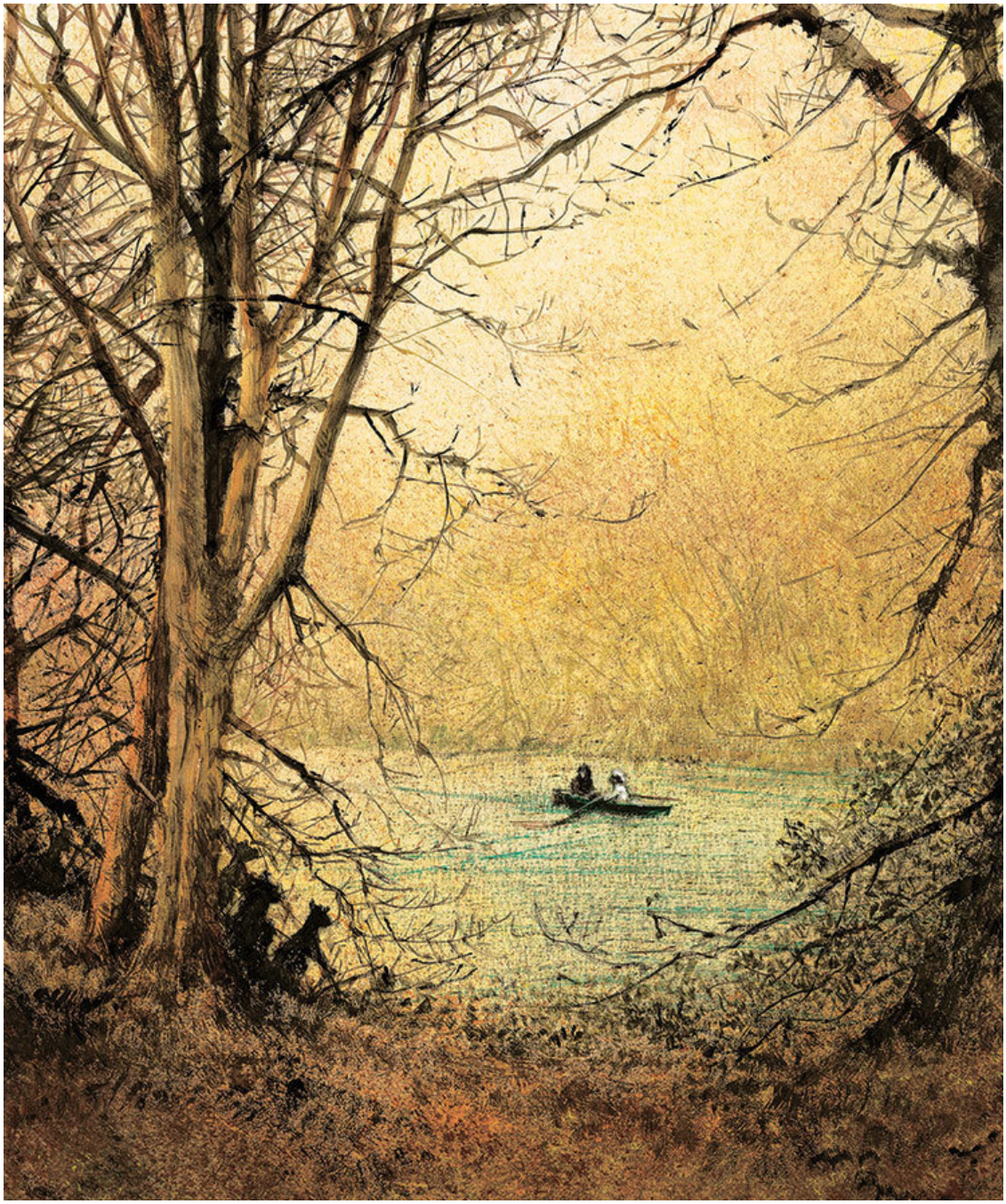
– Нравится мне твой наряд, старина, – заметил он через полчаса. – Я тоже давно подумываю насчёт смокинга из чёрного бархата, только вот деньжат прикоплю.

– Прошу прощения, – сказал Крот, с усилием приходя в себя. – Наверное, ты считаешь меня ужасным невежей, но здесь всё так необычно и ново для меня. Так вот каковы реки…

– Реки – не знаю, а моя река именно такова, – уточнил Крыс.

– И ты всю жизнь живёшь на реке! Как здесь хорошо!

– И на реке, и в реке, и у реки, и вообще я, можно сказать, живу рекой. Она мне заменяет родню и друзей, кормит меня и поит и, конечно, моет. Она для меня весь мир, и мне другого мира не надо. Здесь, у реки, есть всё, а чего нет – то никому не нужно. Понимаешь? Мы узнаём все новости, и не доходят до нас только пустые сплетни. Как здесь чудесно! Зимой и летом, осенью и весной всегда найдётся забава и развлечение. В февральские наводнения, например, мои погреба полны никчёмной влаги и чёрный поток вздувается до окон спальни, а когда воды спадают, комья высыхающего ила на берегу пахнут густо и пряно, каналы забиты мусором и травой, и я могу бродить по обнажённому руслу и, не зная проблем с едой, подбирать всякую всячину, которую выбрасывают беззаботные гуляки из лодок!



– А не бывает ли тут порой скучновато? – отважился спросить Крот. – Ты да река, и не с кем словом перемолвиться.

– Не с кем словом… Ну что ж, тебя нельзя строго судить, – великодушно заявил Крыс. – Ты новичок и мало что понимаешь. Берег теперь так перенаселён, что кое-кто подумывает об отъезде. О, раньше так не было. Выдры, утки-пеганки, лысухи, зимородки… И всем ты непременно зачем-то нужен, как будто без тебя им не обойтись!

– А там что виднеется? – спросил Крот, показывая в сторону леса, чёрною полосой окаймлявшего прибрежные заливные луга.

– Там Дикая Чаща, – отрезал Крыс. – Мы, жители реки, как правило, о ней помалкиваем.

Крот вздрогнул:

– Там что, там… что-нибудь не то?

– Н-ну… дай подумать. – Крыс нахмурился. – С белками всё в порядке; кролики тоже – некоторые по крайней мере. Но кролики – народ ненадёжный. Ну и, конечно, Барсук. Живёт себе в самой глухомани и не променяет её ни на что. Старый добрый Барсук! Его-то никто не тронет. Ха, пусть бы сунулись! – значительно добавил он.

– Да, но кто будет к нему соваться?

– Есть там кое-кто, – неопределённо ответил Крыс. – Хорьки, лисы, куницы и ещё разные… Так они, в общем, ничего, я даже дружу кое с кем из них, болтаем при встрече и всё такое, но иногда они забываются, что есть, то есть, и тогда… В общем, не надо им так уж доверяться во всём, не стоит потому что.

Крот знал, что говорить о возможных неприятностях считается неприличным и даже намекать на них не принято, и больше не настаивал.

– А что за Дикой Чащей? – спросил он. – Вон там, где голубая дымка и не то холмы, не то дым из городских труб, не то облака клубятся?

– За Дикой Чащей лежат Дальние Края, которые не имеют отношения ни к тебе, ни ко мне. Я там никогда не был и никогда не буду, и если у тебя есть хоть капля здравого смысла, то и тебе тоже там делать нечего. И пожалуйста, не упоминай о них больше. Ну, вот и запруда, здесь мы с тобой позавтракаем.

Уйдя со стрежня, они прошли в озерцо, на первый взгляд с рекой не связанное. Его отлогие берега покрывала зелёная трава, под водой извивались тёмные корни деревьев, а чуть поодаль стояла старая мельница, до самых стропил окутанная облаком серебристых брызг и пены, и в такт бесконечному движению колеса воздух звенел монотонным усыпляющим напевом, через который изредка прореза́лись чьи-то звонкие и чистые голоса. Крот мог только сложить передние лапы и восхищённо вздыхать.

Крыс провёл лодку вдоль берега, привязал, помог выйти ещё не освоившемуся Кроту и передал ему корзину со снедью. В виде особой милости Крот выпросил дозволения распаковать её. Крыс охотно поручил ему это, а сам растянулся на травке и наблюдал, как его восторженный спутник расстилает скатерть, вытаскивает таинственные пакеты и раскладывает их содержимое, то и дело восклицая:

– Ого! Вот это да! Ничего себе!

Когда всё было готово, Крыс предложил Кроту не церемониться, чему тот был весьма рад, поскольку начал прилежно заниматься весенней приборкой ни свет ни заря, и во рту у него с тех пор не было и маковой росинки, а пережить он успел столько, что ему казалось, будто прошло уже много дней.

– Ты что высматриваешь? – спросил Крыс, когда Крот, утолив голод, оторвал взгляд от скатерти.

– Гляди-ка, из-под воды словно цепочка воздушных пузырей всплывает. Что бы это значило?

– Ах, пузыри? – И Крыс громко и весело крикнул, как будто позвал кого-то.

Из-под воды показалась широкая блестящая морда, и на берег вылез Выдр. Он отряхнулся и двинулся к «столу».

– У, жадины несчастные! Почему ты меня заранее не позвал, Крысик?

– Внеплановое мероприятие, – объяснил Крыс. – Познакомься: мой друг, мистер Крот.

– Душевно польщён, – сказал Выдр, и они скрепили новую дружбу рукопожатием.

– Везде такой шум, суета, – продолжал Выдр. – Кажется, что все подались к реке. Прихожу в эту заводь, чтобы побыть одному, и натыкаюсь на вас! То есть, прошу прощения, вы поняли, о чём я.

Сзади, от кучи слежавшихся листьев, раздался шорох, и прямо на них уставилась полосатая голова, плотно сидевшая на широких полосатых плечах.

– Барсук! Давай к нам, старина! – воскликнул Крыс.

Барсук сделал шаг, другой, потом буркнул:

– А! Сборище! – развернулся и пропал из виду.

– Вот так он всегда, – сказал разочарованный Крыс. – Не терпит больших компаний. Сегодня нам его больше не видать. Так расскажи-ка, кто же подался к реке?

– Во-первых, Жаб на своей новёхонькой двойке, – отвечал Выдр. – Снаряжение, снасти – всё с иголочки.

И собеседники, переглянувшись, расхохотались.

– Когда-то у Жаба был парусник, – усмехался Крыс. – Потом ему это надоело, пересел в плоскодонку. Был счастлив только тогда, когда плавал целыми днями в своей плоскодонке по всей округе и всем её демонстрировал. В прошлом году добрался уже до катера, и каждый из нас должен был пожить с ним в каюте и восхититься, как там здо́рово. В катере он собирался провести остаток своих дней… И так всё, за что он берётся: сперва – ах! Потом ему надоедает, и всё начинается заново.

– Такой славный малый – и так неустойчив, да ещё на воде! – задумчиво проговорил Выдр.

За островом, который отделял озерцо от реки, просматривался стрежень, и, поглядев в ту сторону, они увидели гоночную двойку. Невысокий, коренастый гребец работал изо всех сил, угрожающе раскачиваясь и поднимая тучи брызг. Вскочив на ноги, Крыс крикнул и помахал ему, но Жаб (а это был он) помотал головой и налёг на вёсла ещё усерднее.

– Если он будет так раскачиваться, то скоро окажется в воде, – сказал Крыс, снова усаживаясь.

– Естественно, – фыркнул Выдр. – Слышали историю про Жаба и сторожа? Дело было так: Жаб…

В это время заблудившаяся муха-подёнка, ошалело блуждавшая из стороны в сторону, не в силах совладать с весенним огнём в крови, спустилась к воде. Раздалось «плюх!», вода забурлила… – и Выдр исчез.

Крот глянул вниз. Голос Выдра ещё отдавался в его ушах, но место рядом на травяном ковре опустело, до самого горизонта простирался весенний пейзаж, и лишь несколько пузырьков всплыло на поверхность.

Крыс начал напевать что-то, и Крот вспомнил, что правила приличия запрещают обсуждать чьё-либо внезапное исчезновение независимо от того, ясна его причина или нет.

– Ну, пора двигаться, – сказал Крыс. – Кто собирает корзину?

В его голосе не прозвучало стремления сразу же взяться за работу.

– Ой, а можно я? – спросил Крот.

Оказалось, можно.

Собирать корзину было отнюдь не таким приятным занятием, как распаковывать. Но Крот восхищался сегодня всем подряд, и хотя, после того как корзина была перетянута ремнями, ему подмигнула из травы забытая тарелка, а когда всё было перепаковано, Крыс указал ему на вилку, лежавшую у всех на виду, а после этого выяснилось, что он – вот это да! – сидел на банке с горчицей, работа в конце концов была завершена спокойно и относительно быстро.

Вечерело. Солнце клонилось к западу. Крыс задумчиво грёб, бормоча обрывки стихов и не обращая на Крота внимания. Но Крот, гордый собой и переполненный впечатлениями, твёрдо решил вернуться домой на лодке самостоятельно. Ему не сиделось. Наконец он сказал:

– Крысик! Дай мне, пожалуйста, немножечко погрести.

Крыс улыбнулся и покачал головой:

– Не сейчас, мой юный друг, не сейчас. Сначала поучись. Это не так просто, как кажется.

Минуту или две Крот сидел смирно. Но затем он начал испытывать всё большую зависть к Крысу, который грёб так легко и сильно. Гордость нашёптывала Кроту, что он и сам мог бы грести не хуже. Выбрав момент, он вскочил и уцепился за вёсла так неожиданно, что Крыс,

застигнутый врасплох с его стихами и лирическим настроением, грохнулся на спину вверх ногами, и торжествующий Крот сел на его место и самоуверенно налёг на вёсла.

– Сядь на место, дурень! – завопил Крыс, лёжа на дне лодки. – Ты же не умеешь! Мы же перевернёмся!

Крот резко дёрнул, глубоко зарыл лопасти в воду и – потерял равновесие. Пятки его взлетели выше головы, и он очутился верхом на совсем ошеломлённом Крысе. Растерявшись, Крот уцепился за борт, и в следующий миг громкий всплеск возвестил правоту Крыса: лодка перевернулась, и Крот бултыхнулся в воду.

Боже! До чего там было мокро и холодно! Как мерзко журчала вода в ушах, пока Крот опускался всё глубже, глубже, глубже… Какое яркое солнце брызнуло ему в глаза, когда он вынырнул на поверхность, и какое чёрное отчаяние залило его душу, когда он снова пошёл ко дну! Наконец чья-то лапа ухватила его за загривок. Это был Крыс. Он хохотал. Крот чувствовал, как этот смех перекатывался по лапе и касался его, Крота, затылка.

Поймав весло, Крыс подсунул его Кроту под мышку, второе – под другую и, подталкивая беспомощного зверька сзади, выволок его – жалкий комок мокрого меха – на берег.

Крыс вытер Крота, как сумел, отжал на нем мех и сказал:

– Теперь давай-ка, приятель, бегом взад-вперёд по берегу, пока не согреешься, а я нырну за корзиной.

И бедный Крот, мокрый и несчастный, бегал, пока не обсох, а Крыс опять полез в воду, отбуксировал и причалил лодку, выловил в несколько приёмов всё снаряжение и под конец, достав со дна корзину, поплыл с нею к берегу.

Когда всё было готово к отплытию, хромой и хмурый Крот занял место на корме, оттолкнулся и заговорил прочувствованным голосом:

– Крысик, великодушный друг мой! Я искренне сожалею о своей глупой и неблагодарной выходке. У меня замирает сердце при мысли, что из-за меня чуть не погибла прекрасная плетёная корзина. Я поступил по-идиотски. Не мог бы ты на этот раз простить меня и относиться ко мне с той же добротой, что и раньше?

– Полно тебе, дружище, – ласково отвечал ему Крыс. – Ну, нырнул я раз-другой, я ведь Крыс-то Водяной. Я так и так большую часть времени в воде провожу. Забудь об этом. Но, пожалуй, тебе не повредило бы пожить у меня немного. У меня дом, конечно, простой, не очень устроенный, не то что Жабсфорд (ах да, ты же там не был), но я бы нашёл, где разместить тебя. Научил бы плавать, грести – река стала бы для тебя таким же родным домом, как для всех нас.

Крот был слишком растроган, чтоб отвечать. Ему даже пришлось смахнуть слезинку-другую. Но добрый Крыс понимающе отвернулся, и постепенно Крот настолько пришёл в себя, что смог поставить на место парочку лысух, съязвивших насчёт его жалкого вида.

Добравшись до дому, Крыс развёл жаркий огонь и усадил Крота в кресло перед камином, дал ему шлепанцы и халат и развлекал до ужина историями из речной жизни. Для сухопутного Крота все они были в новинку – о шлюзах, о наводнениях, про коварных щук и про пароходы, которые разбрасывали бутылки (то есть бутылки на самом деле бросали с пароходов, а, значит, пароходы их и разбрасывали); про цапель и про то, как с ними надо разговаривать, о приключениях в низовьях, ночной рыбалке с Выдром и дальних путешествиях с Барсуком. Ужин был тоже хорош, но очень скоро внимательному хозяину пришлось отвести сонного гостя в спальню, и с облегчением Крот уткнулся в подушку, слушая, как ещё вчера чужая для него река мягко струится у подоконника.

Таков был первый из многих дней, проведённых на реке Кротом, столь неожиданно изменившим свою жизнь. И каждый день созревающего лета был длиннее предыдущего и также наполнен приключениями. Крот научился грести и плавать, а забираясь в тростники, улавливал обрывки фраз и рассказов из непрестанного шёпота речного ветра.

2. Большая дорога

Однажды погожим летним утром Крот вдруг сказал:
– Крысик, я бы хотел попросить тебя кое о чём.

Водяной Крыс сидел на берегу и напевал песенку. Он только что сочинил её, додумывал ещё последние строчки и не обращал внимания ни на что – и на Крота тоже. Он на рассвете плавал с весёлой компанией уток. Утки окунали головы в воду, а Крыс подныривал и щекотал их там, где у них был бы подбородок, если б он у них был. Утки выныривали и шумно, сердито хлопали крыльями, потому что высказать всё словами не могли: головы-то оставались в воде. Наконец утки предложили ему отстать и заняться своими делами, а их оставить в покое. Крыс вышел на берег и сочинил песню, которую назвал…

Утиная песенка

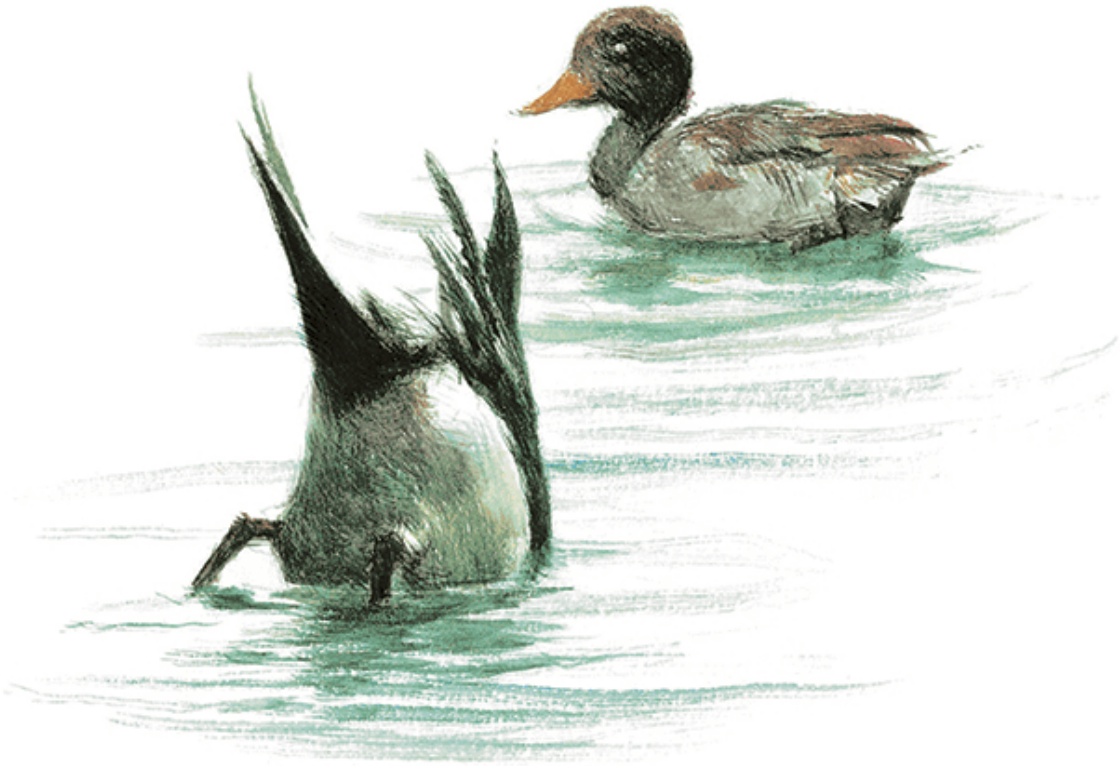
Кря-кря-крячут утки
Там, где камыши…
Снизу вверх, снизу вверх
Хвост дер-жи!

Селезни да утки –
Сколько жёлтых лап!
Ну-ка, клювы жёлтые,
Рыбку – ап!

Водоросли сочные,
Плавает плотва –
От такой кладовки
Кругом голова!

Каждый всё, что нравится,
Сделает на бис –
Хвостиком наружу,
Головою вниз!

Где-то в небе синем
Кружатся стрижи…
Снизу вверх, снизу вверх
Хвост дер-жи!



– Ты знаешь, по-моему, эта песенка – не лучшее из твоих стихов, – осторожно заметил Крот. В поэзии он не особо разбирался, но говорил обо всём всегда искренне.

– И утки тоже так думают, – ничуть не смутившись, ответил Крыс. – Они говорят, мол, почему нельзя делать что хочешь, где хочешь и когда хочешь и чтобы посторонние не сидели по берегам, делая замечания и сочиняя стихи. Глупости это всё, вот как они говорят.

– Вот молодцы, всё правильно говорят! – с жаром воскликнул Крот.

– Нет, неправильно! – обиделся Крыс.

– Ну, нет так нет, – согласился Крот. – А я тебя как раз хотел попросить: не могли бы мы навестить мистера Жаба? Я о нём столько слышал и страшно хочу познакомиться.

– Конечно, давай! – Добрый Крыс вскочил на ноги, выбрасывая на сегодня поэзию из головы. – Отвязывай лодку, бери вёсла. Жаба можно навещать в любое время, он всегда весел, всегда рад гостям, всегда опечален, когда ты уходишь.

– Наверно, он добрый, – заметил Крот, садясь на вёсла.

– Он лучше всех, – отвечал, устраиваясь на корме, Крыс. – Простой, дружелюбный, открытый. Не слишком умён, но ведь не всем же и быть гениями. Ну да, он хвастлив и самодоволен, но у него есть и великолепные качества, которые искупают всё.

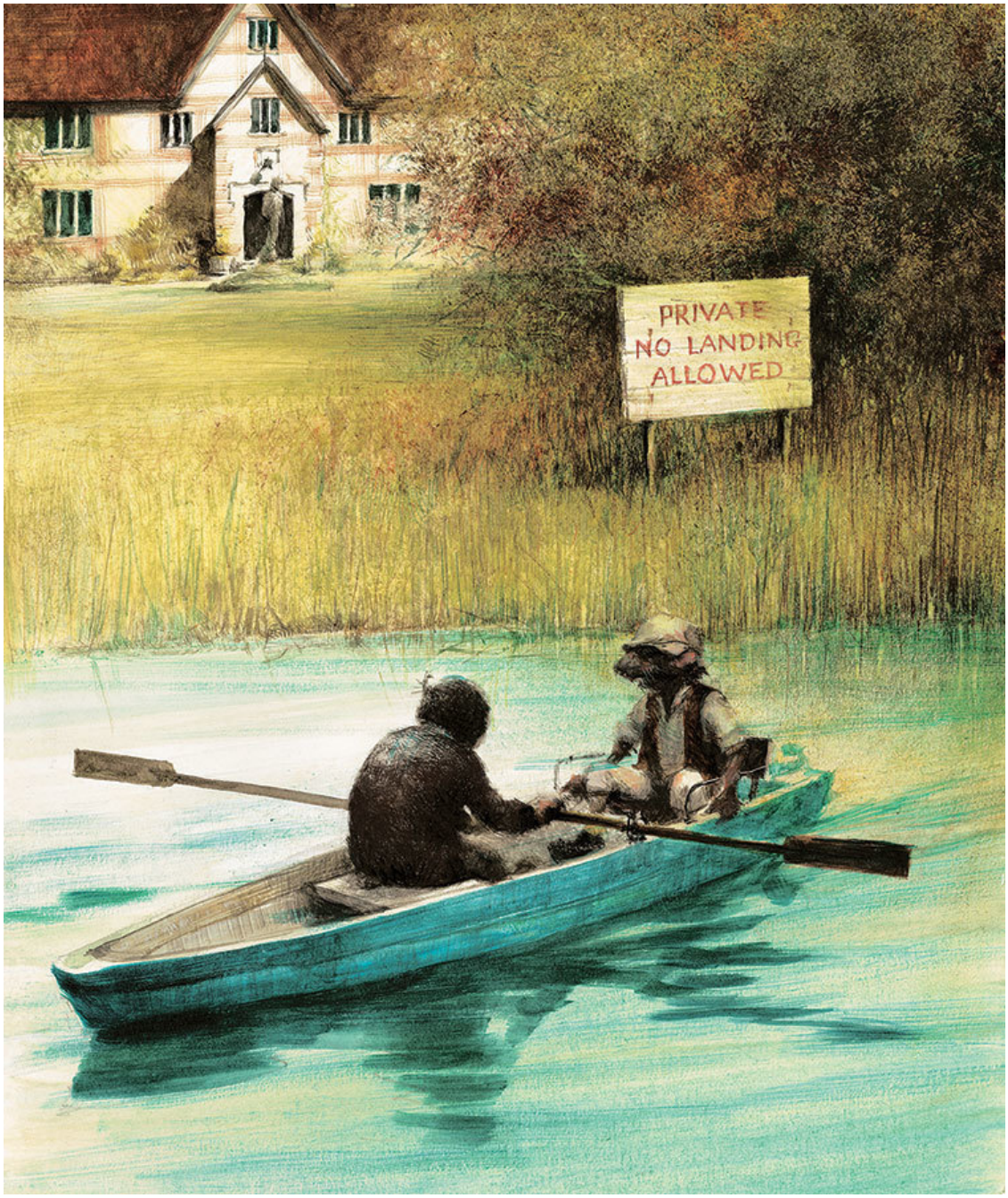
Они обогнули излучину реки и увидали красивый старый дом благородной архитектуры, сложенный из поблёкшего от времени красного кирпича. К самой воде сбегали ухоженные газоны.

– Вот и Жабсфорд, – сказал Крыс. – Левая протока, там, где написано: «Частная собственность. Не швартоваться!», ведёт к причалу, возле него мы оставим лодку. Справа конюшни, прямо, куда ты смотришь, зал для банкетов – старейший в округе. Жаб очень богат, и это действительно одно из красивейших зданий в наших краях, хотя мы никогда не говорим об этом в его присутствии.

Они свернули в протоку, и Крот, подняв вёсла, вплыл под сень большого причала. Множество отличных лодок было подвязано к выступающим концам поперечин, часть вытащена на берег, но ни одна не спущена на воду. Всё выглядело пустым и заброшенным. Крыс огляделся.

– Понятно, – протянул он. – В лодочки мы больше не играем. Надоело, и бросили. Интересно, чем же он теперь занят? Пойдем-ка выясним.

Они вышли из лодки и по цветущим лужайкам отправились искать хозяина.



Жаб сидел в плетёном кресле в саду и сосредоточенно изучал разложенную на коленях большую карту. При виде друзей он вскочил с громким криком: «Ур-ра! Вот здорово!» – и бросился немедленно жать им лапы, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

Подпрыгивая и пританцовывая, он говорил:

– Как здорово, что вы пришли! Крысик, я как раз хотел послать за тобой – и со строжайшим приказом: доставить тебя во что бы то ни стало. Вы мне оба страшно нужны. Есть хотите? Пошли в дом, найдём что-нибудь. Нет, ну до чего здорово, что я вас поймал!

– Посиди одну минуту спокойно, Жабби, – усаживаясь в шезлонг, сказал Крыс.

Крот сел рядом и вежливо сказал что-то насчёт «прекрасного поместья».

– Лучшее на всей реке, – радостно завопил Жаб и, не удержавшись, добавил: – Да и во всём мире, если на то пошло.

Крыс подтолкнул Крота локтем. К несчастью, Жаб заметил его движение и густо покраснел. Наступила неловкая тишина. В конце концов Жаб расхохотался первым:

– Ладно, Крысик, ты же меня знаешь. А дом и в самом деле недурён, правда? Он тебе самому нравится. Теперь послушайте: довольно тратить время впустую. Вы мне должны помочь, я затеваю чрезвычайно важное дело.

– Это ты про греблю? – невинно осведомился Крыс. – У тебя уже неплохо получается, но ты ещё сильно брызгаешь. Побольше терпения, сноровки и…

– Ой, гребля, тьфу! – с отвращением прервал Жаб. – Глупая, ребяческая забава. Я её уже давным-давно бросил. Пустая трата времени, вот что это такое. Мне больно видеть, как вы, с вашим умом и способностями, тратите силы и время на всякий вздор. Нет, я нашёл единственно стоящее занятие и посвящу ему отныне всю жизнь. Могу только пожалеть о потерянных впустую годах, которые потонули в ничтожной суете. Иди со мной, дорогой Крысик, и твой симпатичный друг, если захочет, тоже пусть пойдёт вместе с нами. Не далее, как в конюшне, вы всё увидите!

Он повёл их к конюшне, и Крыс хотя и шёл за ним, но вид у него был очень недоверчивый и насторожённый. Рядом с каретным сараем во дворе стоял новёхонький цыганский фургон канареечно-жёлтого цвета, в зелёных разводах и с красными колёсами.

– Ну, как?! – вскричал сияющий Жаб, становясь рядом и широко расставляя ноги. – В этой маленькой повозке – целый мир. Широкая дорога, пыльные шоссе, луга, поля и холмы; деревни, города, деревушки! Нынче здесь – завтра там. Странствия, приключения, происшествия, вообще – красота! Имейте в виду, что это самый лучший фургон из всех, что делались

когда-нибудь в мире. Зайдите внутрь и убедитесь собственными глазами. Всё продумано лично мной!

Крот был страшно заинтригован. Он тут же вскарабкался по лесенке и скрылся в фургоне, но Крыс не двинулся с места, а только фыркнул и глубоко засунул лапы в карманы.

Фургон был и впрямь удобным и уютным: лавки для спанья, откидной столик, плита, полки, шкафчики, клетка с птичкой, горшки, котелки, сковородки, кастрюли всех форм, размеров и видов.

– Всё предусмотрено! – Жаб распахнул дверцу одного шкафа. – Смотри: бисквиты, омары, сардины – всё, что угодно. Печенье, лимонад, перец, бекон, варенье, карты, домино – всё есть. Мы скоро тронемся в путь, и вы убедитесь, что я ничего не забыл.

– Минуточку, – вмешался Крыс, медленно пожёвывая соломинку. – Мне, кажется, послышалось что-то вроде «мы», «скоро» и «в путь»?

– Крыс, Крысик, милый, хороший, – умоляюще заговорил Жаб, – не надо так сухо и презрительно разговаривать, ты же знаешь, что мы вместе поедем. Я, может быть, вообще не смогу обойтись без тебя, так что давай будем считать это решённым, и, пожалуйста, не спорь, споры – это единственное, чего я не терплю. Ты же не собираешься всю жизнь проторчать возле своей дурацкой реки, живя в убогой норе и занимаясь греблей! Я выведу тебя в свет, я позабочусь о тебе, дружок!

– Ну нет, – строптиво ответил Крыс, – я никуда не еду, и точка. Да, я намерен торчать всю жизнь у реки, жить у себя в норе и заниматься греблей. Причём Крот тоже намерен остаться со мной. Верно, Крот?

– Да, разумеется, – не очень уверенно начал Крот, – я, конечно, согласен с тобою, Крыс, и как ты скажешь, так всё и будет. Но всё-таки это звучит весьма… заманчиво. Понимаешь? – жалобно заключил он.

Бедный Крот! Кочевая жизнь казалась ему такой необычной, такой привлекательной, он просто влюбился в канареечный фургон и всевозможную утварь, которой тот был снабжён! Его мучил соблазн.

Увидев, что творится с Кротом, Крыс заколебался. Он старался никогда не огорчать друзей, он полюбил Крота и был готов ради него почти на всё. Тем временем Жаб внимательно наблюдал за ними. Выждав, он дипломатично предложил:

– Давайте позавтракаем, поговорим, решим всё без спешки. Собственно говоря, мне-то что, я ведь хотел доставить вам удовольствие. Мой девиз: «Всё для других».

За завтраком, великолепным, как всё в Жабсфорде, Жаб разошёлся окончательно. Не обращая внимания на Крыса, он распустил перед неискушённым Кротом павлиний хвост. Красноречивый от природы, он дал волю воображению и широчайшими мазками рисовал такие яркие картины путевой жизни, что Крот от нетерпения не мог усидеть на месте. Как-то само собой оказалось, что совместная поездка втроём уже решена, и добродушный Крыс, хотя не изменил своего мнения, решился пожертвовать собой. Он был не в силах разочаровывать друзей, которые вплотную занялись мелочами и предсказаниями, расписывая в подробностях каждый день на несколько недель вперёд.

Когда они окончательно дозрели, Жаб привёл их в загон и заставил ловить старого серого коня, который был глубоко возмущён тем, что ему, не спросив, отвели труднейшую часть в нелёгкой будущей экспедиции. Серый конь решительно предпочитал путешествиям родной загон, и оттого поимка его представила некоторые трудности. Жаб в это время набивал шкафчики ещё большим количеством съестных и прочих припасов, развешивал торбы и связки лука, укладывал на пол корзинки и кипы сена. Коня наконец поймали, взнуздали, всё было готово, и они тронулись. Каждый устроился, где хотел: один сел на козлы, другой шёл рядом с фургоном, и все говорили одновременно, не слушая собеседника. Это был золотой день! Поднимаемая ими пыль пахла густо и терпко, птицы свиристели и насвистывали из фруктовых садов, тянувшихся вдоль дороги, встречные весело приветствовали их и останавливались восхититься повозкой, а кролики вылезали из-под заборов, молитвенно складывали лапки и восклицали:

– Ух ты!

– Ох ты!

– Ах ты!

Поздно вечером, проехав много миль, усталые и счастливые, они остановились на общинном выгоне, пустили коня пастись, расположились на траве у фургона и приготовили скромный ужин. Жаб говорил без умолку о том, что он совершит в ближайшие дни, а звёзды обступили их и наливались всё полнее и ярче, жёлтая луна внезапно и молчаливо выплыла неизвестно откуда, чтобы присоединиться к ним и послушать, о чём они говорят. Наговорившись, они разошлись по койкам, и, вытянув ноги, Жаб сонно проговорил:

– Спокойной ночи, ребятки. Вот это – настоящая жизнь. Рассказывайте мне теперь о вашей реке.

– Я не говорю о моей реке, – терпеливо ответил Крыс, – я же не говорю о ней, Жаб. – И тихо, прочувствованно добавил: – Но я о ней думаю, думаю о ней непрестанно.

Крот откинул одеяло, дотянулся до Крыса, пожал ему лапу и прошептал:

– Делай, что сочтёшь нужным, Крысик. Хочешь, удерём завтра поутру и вернёмся в нашу родную нору на откосе?

– Нет-нет, подождём, – шепнул в ответ Крыс. – Спасибо тебе, мой друг, но Жаба оставлять нельзя, он в одиночку добром не кончит. Это всё недолго протянется, его затеи быстро кончаются. Спокойной ночи.

Конец затеи был даже ближе, чем думал Крыс.

После целого дня на свежем воздухе Жаб спал без просыпу, и утром его было никак не растолкать. После долгих усилий его оставили в покое. Крыс спокойно и деловито привёл коня и начал перемывать вчерашние чашки, Крот побежал в ближайшую (расположенную, однако, довольно далеко) деревню за яйцами, молоком и разными мелочами, конечно же забытыми Жабом. Сделав все дела, усталые зверьки прилегли отдохнуть, и тут появился свежий и бодрый Жаб, приветствуя весёлую и приятную жизнь, которая предстояла им теперь, когда хозяйственные заботы больше не докучали.

Весь день они беззаботно блуждали по зелёным долинам. Сперва они ехали по просёлочным и грунтовым дорогам, на ночь расположились, как и накануне, на выгоне, только теперь Крыс и Крот позаботились о том, чтобы Жаб принял участие в хлопотах. Как следствие, Жаб с меньшим пылом превозносил прелести походной жизни и то и дело норовил улечься в фургоне отдохнуть, а Крот и Крыс его оттуда вытаскивали. К полудню следующего дня выехали на шоссе – первое большое шоссе за время пути, – и там на них обрушилась беда. Неотвратимая и нежданная, она настигла их, покончила с экспедицией и оказала ошеломляющее воздействие на дальнейшую судьбу Жаба.

Они спокойно двигались вдоль обочины. Крот беседовал с конём (тот постоянно жаловался, что лишён всех радостей путешествия), Жаб и Водяной Крыс шли за фургоном и разговаривали. То есть разговаривал Жаб, а Крыс время от времени вставлял:

– Да, да-да, безусловно. Так, и что ты ему ответил? – А сам думал о своём.

Далеко позади слышалось слабое упреждающее гудение, вроде жужжания далёкой пчелы. Они оглянулись и увидели маленькое облачко пыли с чёрной точкой в центре. Облачко приближалось к ним с бешеной скоростью, и вот, как жалкий стон больного, оттуда послышалось слабое «Би-бип!». Не обратив должного внимания, они вернулись к своему разговору, когда идиллия вдруг взорвалась. Порыв ветра и оглушающий грохот швырнули их в ближайший кювет, в ушах раздалось колокольным громом «Би-бип!!!» – и, словно мгновенное видение, мимо промелькнул сверкающий стеклом и сафьяном мощный автомобиль – огромный, яростный, захватывающий дух автомобиль с припавшим к рулю шофёром. На долю секунды видение заполнило собою мир, ослепило, окутало клубящейся пылью, потом опять стало далёким пятнышком, превратилось в замирающую пчелу.

Конь, которому на ходу снился родной загон, в небывалой ситуации поддался первобытным инстинктам. Он начал пятиться, лягаться, брыкаться и, как ни взывал Крот к его лучшим чувствам, медленно, но верно направил фургон к глубокой придорожной канаве. Послышался страшный треск, и канареечный фургон, предмет их умиления и гордости, улёгся в канаву без надежды на успешный ремонт.

Крыс, не в силах совладать с собой, в ярости прыгал на шоссе.

– Мерзавцы, – кричал он, сжав кулаки, – негодяи, бандиты с большой дороги! Найдётся на вас управа! Я буду жаловаться! Я вас по судам затаскаю!

Его тоска по дому растаяла без следа, он преобразился в капитана канареечно-жёлтого судёнышка, разбитого о рифы происками коварных недругов. Он извлекал из закоулков памяти самые колкие, самые язвительные эпитеты, которыми награждал капитанов речных судов, когда те проходили слишком близко от берега и разведённая ими волна заплёскивалась на устланный коврами пол его спальни.

Жаб с широко раскинутыми ногами сидел посреди шоссе и напряжённо таращился вслед исчезнувшему автомобилю. Дыхание его сделалось прерывистым, на морде застыло глуповато-радостное выражение. По временам он тихо мурлыкал:

– Би-бип!..

Крот успокоил коня и пошёл осматривать завалившийся в канаву фургон. Последний являл собою печальное зрелище. Стёкла побились, обшивка треснула, оси погнулись, одно

колесо слетело, банки консервов рассыпались по полу, птичка в клетке, горестно рыдая, просилась на волю.

Крыс подоспел на помощь Кроту, но и совместными усилиями фургон поднять не удалось. Они закричали:

– Эй, Жаб! Нам без тебя не справиться!

Жаб не ответил ни слова, не шевельнулся, не встал с шоссе. Они подошли посмотреть, что с ним. Он был в трансе. На губах играла счастливая улыбка, взгляд был по-прежнему устремлён в сторону погубителя, и время от времени из уст его слышалось нежное:

– Би-бип!..

Крыс сильно тряхнул его за плечи:

– Ты собираешься помогать нам, Жаб?

– Величественное, славное зрелище, – не двигаясь, молвил Жаб. – Поэзия скорости! Настоящий, единственный способ путешествовать! Сегодня здесь, а завтра в неделе пути! Промахивая деревни, проглатывая города, к вечно новому горизонту! Стремительней молнии! Бип, би-бип!..

– Ах, да не будь же ты ослом, Жаб! – в отчаянии вскричал Крот.

– И я даже не подозревал, – бредил Жаб. – Потерянные годы лежат за моей спиной. Но я не подозревал, мне даже не снилось. Зато теперь, когда я понял, когда я всё знаю… О! Какой цветущий путь расстилается предо мной! Какие тучи пыли взметёт мой неудержимый бег! Какие фургоны будут валиться в канаву при моём мощном появлении! Жалкие, пошлые, канареечно-жёлтые фургончики!

– Что нам с ним делать? – спросил Крот.

– Ничего, – жёстко отрезал Крыс. – Ничего тут не сделаешь. Видишь ли, я его уже давно знаю… он сейчас не в себе. У него новый психоз, и первая стадия всегда протекает именно так. Теперь он несколько дней будет бродить в счастливом полусне, не пригодный ни для какой работы. Оставь его. Посмотрим, что можно сделать с фургоном.

Тщательный осмотр убедил, что, если даже фургон удастся вытащить, ехать он больше не сможет. Состояние осей было безнадёжно, сорвавшееся колесо разлетелось вдребезги.

Крыс закинул коню поводья на спину и взял его под уздцы, неся в другой лапе клетку с её обезумевшей обитательницей.

– Пошли, – хмуро окликнул он Крота. – До ближайшего городка миль пять или шесть. Придётся идти пешком, и чем раньше мы выйдем, тем лучше.

– Но как же Жаб? – взволнованно спросил Крот, когда они вышли на шоссе. – Нельзя же бросать его посреди дороги в таком состоянии. Это опасно! Что, если откуда-нибудь вылетит ещё какая-нибудь штуковина?

– Да провались он, этот Жаб, – яростно огрызнулся Крыс. – Надоел он мне!

Однако они не успели уйти далеко, когда сзади раздался топот и Жаб догнал их и взял обоих под лапы. Дышал он по-прежнему прерывисто, взгляд блуждал неведомо где.

– Послушай, Жаб! – резко заговорил Крыс. – Как только мы доберёмся до города, ты должен пойти прямо в полицию, выяснить, знаком ли им этот автомобиль, кто хозяин, и написать жалобу. Потом пойдёшь к кузнецу или колёснику, организуешь доставку и починку фургона. Это потребует времени, но что ж поделаешь. А мы с Кротом пойдём в гостиницу, найдём удобные комнаты, чтобы было где подождать, пока будет кончен ремонт, да и тебе полезно – придёшь в себя.

– Полиция! Жалобу! – сладко мурлыкнул Жаб. – Мне – жалобу на это великолепное, небесное видение, которое снизошло ко мне! Чинить фургон? Глупости! Я не желаю ни слышать про фургоны, ни видеть их. О Крысик, ты даже не знаешь, как я благодарен тебе за то, что ты согласился поехать со мной! Ведь без тебя я никуда не поехал бы и мог бы никогда не увидеть этого… лебедя, это сияние, эту громовую молнию! И я бы никогда не услыхал волшебного звука, не вдохнул колдовского аромата. Всем этим я обязан тебе, о лучший из моих друзей!

В отчаянии отвернувшись, Крыс через его голову обратился к Кроту:

– Ты видишь, он невменяем! Нет, я сдаюсь. Дойдём до города, пойдём к железной дороге, на станции, если повезёт, сядем на поезд и уже к вечеру будем вновь у реки. Но если ты хоть раз увидишь меня в компании этого недостойного животного!..

Он фыркнул и в течение остального пути разговаривал только с Кротом.

В городе они пошли прямо на вокзал и поместили Жаба в зал ожидания второго класса, дав два пенса носильщику, чтобы не спускал с него глаз. Коня оставили в конюшне при гостинице, дали все указания, какие смогли, насчёт фургона и имущества. Скоро неторопливый поезд подвёз их к станции невдалеке от Жабсфорда, и, доведя погружённого в мечты Жаба до двери, они поручили экономке накормить, раздеть и уложить его, а сами отвязали от причала

лодку, взялись за вёсла и, к великой радости Крыса, поздно вечером сели ужинать в уютной гостиной их милой норы.

Назавтра Крот, вставший поздно и не склонный серьёзно раздумывать о чём бы то ни было, удил на берегу рыбу, когда после нескольких визитов к друзьям и обмена новостями его нашёл Крыс.

– Слыхал? – спросил он. – По всей реке только об одном говорят: утренним поездом Жаб уехал в город и заказал большой, шикарный автомобиль.

3. Дикая чаща

B

Крот давно хотел познакомиться с Барсуком. Тот, судя по всему, был весьма важной персоной, и, хотя появлялся редко, с его невидимым присутствием считались все. Но когда бы Крот об этом ни заговаривал, Водяной Крыс останавливал его.

– Ты подожди немного, – говорил Крыс. – Барсук рано или поздно появится (он всегда именно появляется), и вы познакомитесь. Отличный малый! Но принимать его надо не только таким, каков он есть, но и тогда, когда он есть.

– А если пригласить его пообедать? – предлагал Крот.

– Он не придёт, – отвечал Крыс. – Барсук не терпит общество, приглашения и всякое в этом роде.

– Хорошо, а если мы его навестим? – спрашивал Крот.

– Ой, это ему не понравится, – отвечал встревоженный Крыс. – Он очень скромен и наверняка не так нас поймёт. Да мы и не сможем! О чём вообще говорить, когда он живёт в самой глубине Дикой Чащи.

– Ну и что, – настаивал Крот, – ты сам говорил мне, что Дикая Чаща не так уж и страшна, помнишь?

– Помнить-то помню, – уклончиво отвечал Крыс, – но мы сейчас туда не пойдём. До Чащи далеко, да и в это время его всё равно дома не бывает. Но как-нибудь он заглянет. Наберись терпения.

Пришлось Кроту с этим смириться. Но Барсук всё не заглядывал, а каждый день приносил новые развлечения, и вот уже лето давно кончилось, холод, гололёд и распутица прекратили их дальние вылазки, а вздувшаяся река неслась под окнами с такой скоростью, что о лодках и гребле смешно было помышлять. Тогда-то мысли Крота вновь обратились к одинокому серому Барсуку и его норе в глубине Дикой Чащи.

Зимой Крыс много спал, ложился рано и очень поздно вставал. При кратком дневном свете он занимался поэзией и другими домашними делами. Заходили другие зверьки – поболтать, вспомнить прошедшее лето.

Чудесное время, им было о чём вспоминать! Перед ними проходили бесчисленные и такие живые сцены!

Торжественное шествие разворачивалось на берегах реки. Первым выступал пурпурный дербенник, роняя пышные спутанные локоны на зеркальную гладь, а та смеялась ему в ответ. Не отставал от него мечтательный и нежный кипрей, как розовое облако на закате. Синие, сиреневые, белые колокольчики спешили встать в строй. Когда же на сцену выходил застенчивый, неторопливый шиповник, все знали, что наступил июнь, как будто возвестили о нём, сплетаясь в гавот, торжественные аккорды струнных, и не хватало лишь одного: влюблённого пастушка, что одарил бы любовью речную нимфу, или принца, который поцелуем разбудил бы спящее лето. Являлась, наконец, в янтарном камзоле улыбчивая ароматная таволга, занимала своё место в кругу друзей, и можно было начинать игру.

И – ах – какие игры тогда начинались! Сонные зверьки, укрывшись в норах от ветра и барабанящего в двери дождя, припоминали утренний холодок за час до восхода, белый неподвижный туман над гладкой водой, резкий озноб первого прыжка в воду, первую пробежку вдоль берега и лучезарное преображение воздуха, воды и земли, когда солнце снова сияло в небе, и серое делалось золотым, и краски и цвета, родившись заново, наполняли землю.

Они переживали заново дремотные сиесты в полдневный зной, глубоко, в зелёном разнотравье, куда солнечные лучи пробивались лишь каплями и пятнами; вспоминали купание и греблю, прогулки по пыльным тропам и желтеющим полям и, наконец, долгие прохладные вечера, когда подводились итоги дня, завязывались новые дружбы и составлялись планы на завтра.

Много разговоров велось в короткие зимние дни, когда зверьки собирались у огня.

Всё же у Крота оставалось немало свободного времени.

Однажды, когда Крыс в своём кресле перед очагом дремал и в полусне перебирал неудачные рифмы, Крот решил дойти в одиночку до Дикой Чащи и, может быть, свести знакомство с Барсуком.

То был холодный день с нависающим стальным небом. Земля вокруг была голая и безлиственная, и, выйдя из тёплой норы на морозный воздух, он подумал, что никогда ещё не проникал его взгляд так далеко и глубоко, как в этот зимний день, когда природа, погрузившись в ежегодную спячку, казалось, сбросила с себя все одежды. Подлески, ложбины, овраги и косогоры, летом таинственно укрытые листвою, теперь были выставлены напоказ и словно извинялись за временную нищую наготу и просили обождать, пока они вновь, как прежде, воспрянут в буйном маскараде, обманут его старыми трюками, затянут в старую круговерть. В этом было уныние, но была и бодрость, и даже радость. Крот радовался тому, что ему нравился этот мир в его суровом неприкрашенном виде, без мишуры и маскировки. Он не тосковал ни по тёплым клеверам, ни по играм в цветущих травах. Зелёные живые изгороди и волнующаяся стена буков и вязов были слишком далеко в прошлом, и он с лёгким сердцем пустился бежать к Дикой Чаще, лежавшей перед ним молча и грозно, как чёрный риф посреди тихого южного моря.

Он поначалу не встретил ничего страшного. Трещали веточки под ногами, брёвна ложились поперёк дороги, да древесные грибы на пнях карикатурно напоминали что-то знакомое, но давно позабытое. Ему было весело, его манило дальше, и он забрался туда, где было меньше света, деревья сплетались теснее, а ямы со всех сторон строили ему уродливые гримасы.

Всё затихло. Сгущаясь вокруг, на него мерно и быстро надвигался полумрак. Свет исчезал со скоростью откатывающейся волны прибоя.

Потом началось!

Первый раз ему показалось, что он видит расплывчатые контуры чьего-то лица у себя за плечом: злобная узкая мордочка уставилась на него из ямы. Когда Крот повернулся и посмотрел на неё в упор, она исчезла.

Он ускорил шаг, бодро говоря себе, что нечего придумывать бог знает что, а то этому конца не будет. Он миновал ещё яму, ещё и ещё, и тогда – вот! нет! вот! – маленькое злобное

личико с жёсткими глазками мелькнуло и скрылось в яме. Крот поколебался, собрался с духом и пошёл дальше. И вдруг – как будто так было всё время – у каждой из ближних и дальних ям оказалось своё лицо. Лица быстро появлялись и исчезали, не сводя с него злобного, ненавидящего взгляда, жёсткого, жадного и свирепого.

«Если уйти от этих ям по бокам тропы, – подумал Крот, – лица исчезнут». Он свернул с тропинки и бросился в нехоженую глушь.

Тогда начался свист.

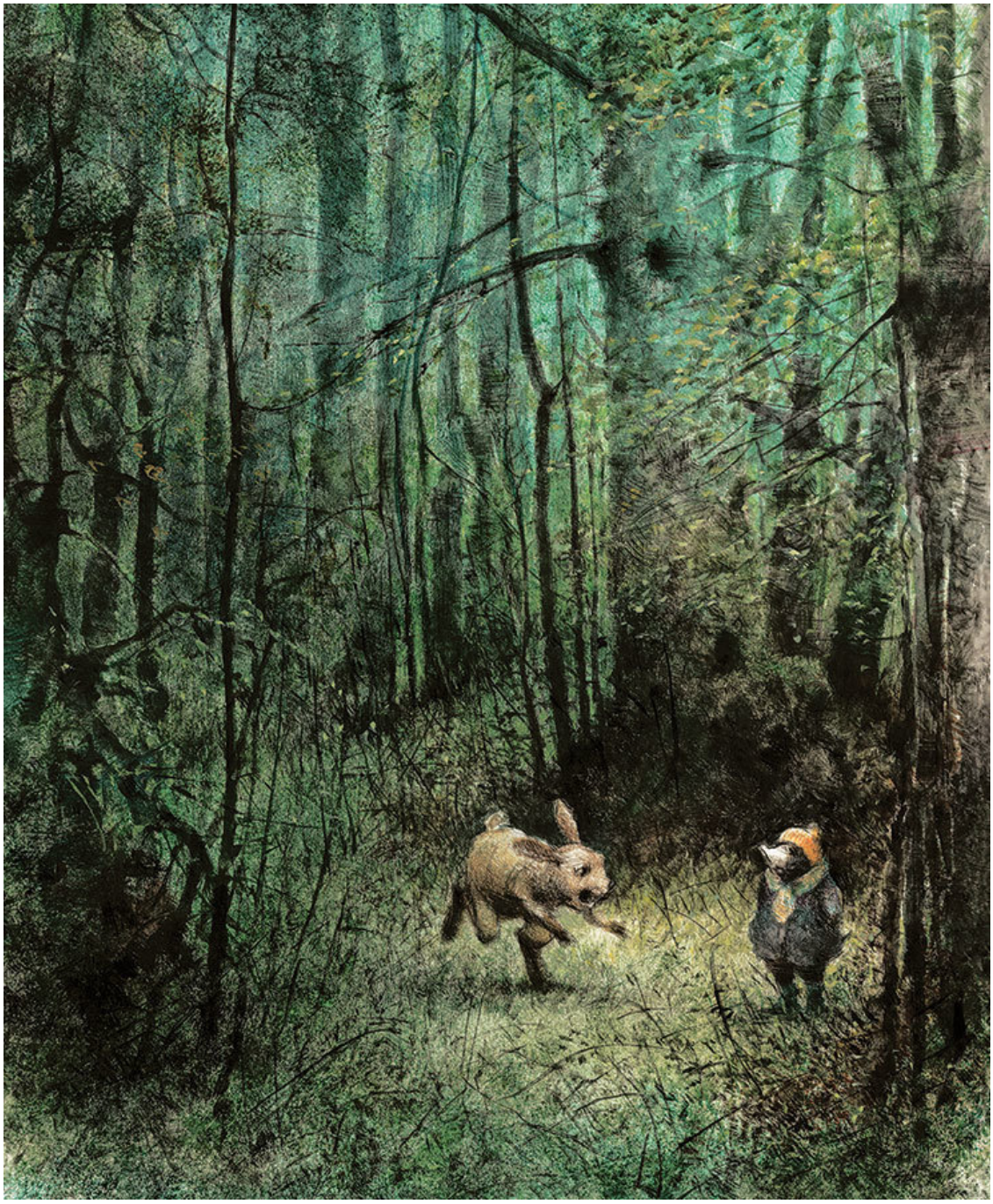
Сначала слабый и тонкий, далеко позади, но почему-то Крот сразу ускорил шаг. Потом, тоже слабый и тонкий, свист послышался далеко впереди. Крот заметался и хотел повернуть назад. Пока он стоял в нерешительности, свист раздался с обеих сторон разом, сомкнулся и прокатился по всей лесной округе до самых её дальних пределов. Они были явно настороже и наготове, кто бы ни были эти «они»! А он – он был один, без оружия, вдали от какой бы то ни было помощи, на пороге подступающей ночи.

Потом начался топот.

Сперва звук был так тих и лёгок, что он подумал, будто это падают листья. Потом звук стал громче, ритмичнее, и он понял, что это не что иное, как «топ-топ-топ» маленьких ножек вдалеке. Спереди или сзади? Сначала показалось так, потом иначе, а после – и там и там! Звук рос и усиливался, пока не стал приближаться к нему со всех сторон.

В то время как он неподвижно стоял и слушал, из-за деревьев прямо на него выскочил кролик. Крот ждал, чтобы тот замедлил шаг или обогнул его, но кролик чуть не врезался в него на бегу. Морда его застыла, глаза неподвижно смотрели прямо вперёд. Когда кролик огибал пень, Крот услыхал, как он пробормотал:

– Уноси ноги, болван, уноси ноги! – и нырнул в какую-то нору.



Топот усиливался, пока не зазвучал, как внезапный град по расстеленному вокруг ковру из сухих листьев. Казалось, вся Чаща на ногах и в быстром беге травит, гонит, смыкается вокруг чего-то. Или кого-то? В панике Крот сорвался с места и тоже побежал, не зная ни куда, ни зачем. Он на кого-то налетал, спотыкался, куда-то подныривал. Наконец юркнул в глубокое чёрное дупло старой берёзы, которое сулило убежище, укрытие, может быть, даже спасение… Но кто мог знать это наверняка?! Так или иначе, он слишком устал, чтобы бежать дальше, и потому зарылся поглубже в сухие листья, нанесённые ветром в дупло, в надежде, что он хотя бы ненадолго в безопасности. И, лежа там, дрожа и задыхаясь, вслушиваясь в свист и топот снаружи, он наконец познал во всей полноте ту жуть, которой маленькие жители полей и лугов страшились больше всего на свете, от которой напрасно пытался уберечь его Крыс: ЖУТЬ ДИКОЙ ЧАЩИ!

Тем временем, уютно пригревшись, Крыс дремал у огня. Листок с недописанными стихами соскользнул с его колен, голова откинулась, рот открылся, и он уплыл к зелёным берегам реки снов. Из камина выпал уголёк, затрещал, вспыхнул язычком пламени. Крыс, вздрогнув, проснулся. Он поднял листок и огляделся, чтобы спросить Крота, не знает ли он хорошей рифмы к слову…

Но Крота рядом не было.

Некоторое время Крыс прислушивался. В доме стояла тишина.

Он крикнул несколько раз: «Кротик!» – и, не получив ответа, вышел в холл. Гвоздь, на который Крот всегда вешал шляпу, был пуст. Не было и галош, обычно стоявших рядом с зонтиком.

Крыс вышел из дому и тщательно осмотрел глинистую землю у входа. Он искал следы Крота и без труда нашёл их. Галоши у Крота были новые, купленные перед самой зимой. Пупырышки на подошвах ещё не успели стереться. Их отпечатки прямо и целенаправленно вели к Дикой Чаще.

Минуту-другую Крыс стоял в глубоком раздумье. Потом он вошёл в дом, сунул за пояс пару пистолетов, взял из угла увесистую дубинку и привычным шагом направился к лесу.

Дневной свет переходил в сумерки, когда он дошёл до первых деревьев и решительно углубился в лес, высматривая следы своего друга. То здесь, то там начали высовываться злобные лица, но при виде отважного зверька, вооружённого пистолетами и суковатой дубиной, тут же исчезали. Свист и топот, которых он при первом посещении наслушался вдоволь, стихли и замерли. Кругом воцарилась тишина. Он бесстрашно прошёл через весь лес до его дальнего края, потом, не обращая внимания на тропы, стал рыскать повсюду, громко окликая:

– Кротик! Кротик! Кротик! Где ты? Это я, Крыс!

Он терпеливо бродил по лесу больше часа, когда наконец уловил слабый ответный крик. Идя на голос, он сквозь сгустившуюся тьму пробрался к дуплистому стволу старой берёзы и из дупла услыхал дрожащий голос:

– Крысик, это вправду ты?

Крыс залез в дупло и обнаружил там измученного, всё ещё дрожащего Крота.

– О Крыс, – воскликнул он, – ты и представить не можешь, до чего мне было страшно!

– Ещё как могу, – ласково сказал Крыс. – Зря ты это затеял, Крот. Я так старался удержать тебя. Мы, речные жители, никогда не ходим сюда по доброй воле, а если приходится, идём не иначе как по двое, тогда, как правило, всё кончается хорошо. Кроме того, есть сотни вещей, которые надо знать, и мы их знаем, а ты – нет: пароли, приметы, слова, имеющие силу и власть над ними, травы, которые должны лежать в карманах, стишки, которые нужно повторять, полезные приёмы и маршруты. Всё очень просто, когда ты знаешь. Но их обязательно надо знать, если ты мал, не то попадёшь в беду. Конечно, будь ты Выдром или Барсуком, всё было бы по-другому.

– Но доблестный мистер Жаб, наверное, не боится ходить сюда в одиночку?

Крыс от души рассмеялся:

– Кто? Жаб? Да насыпь ты ему полную шляпу золота, всё равно он сюда носа не сунет.

Беззаботный смех Крыса, его дубинка и блестящие пистолеты приободрили Крота, он пришёл в себя, перестал дрожать и осмелел.

– Ну так, – сказал вскоре Крыс, – пора двигаться к дому, пока ещё не совсем стемнело. Сам понимаешь, оставаться здесь на ночь ни к чему. Холодно, не говоря уж об остальном.

– Крыс, милый! – взмолился Крот. – Ты меня извини, но тут никуда не денешься, мне очень худо. Мне просто необходимо передохнуть здесь, чтобы собраться с силами, а то я до дома не дойду.

– Ладно, ладно, – сказал добрый Крыс. – Отдыхай вволю. К тому же вокруг почти черно, а скоро луна выйдет.

И Крот зарылся в сухие листья, вытянулся и погрузился в рваный, тревожный сон. Крыс с пистолетом в лапе тоже устроился потеплее рядом с Кротом.

Когда освежённый сном и, по обыкновению, бодрый Крот проснулся, Крыс сказал:

– Ну всё! Сейчас и в самом деле пора выглянуть наружу, посмотрим, всё ли в порядке.

Он подполз к выходу из их пристанища, высунул голову, и Крот услыхал, как он тихо проговорил сам себе:

– Ой-ой-ой! Вот это ничего себе!

– Что произошло, Крысик? – спросил Крот.

– Снег произошёл, – коротко ответил Крыс. – Вернее, пошёл. Валит вовсю!

Крот подполз к нему и, выглянув, увидал страшную Чащу совсем в новом обличье. Дупла, дыры, норы и ямы, угрожавшие случайным путникам, быстро исчезали. На землю ложился волшебный сверкающий ковёр, такой белый, что на него страшно было ступить грубой лапой. Тончайшая пудра наполняла воздух и ласкала щёки мягким покалыванием, а чёрные стволы деревьев были как будто подсвечены снизу.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь, – подумав, вынес решение Крыс. – Надо начинать выбираться. Хуже всего то, что я не уверен, где мы находимся, а этот снег вообще всё меняет.

Снег действительно всё менял. Кроту не верилось, что перед ним та самая Чаща. Но они храбро двинулись вперёд, выбрав наиболее разумное направление и с неизменным оптимизмом узнавая старого друга в каждом новом дереве, хмуро и молчаливо появлявшемся перед ними. Они пытались увидеть «что-то знакомое» в каждой поляне, лощине или тропе, и даже в заведомо неразличимых пятнах монотонной белизны и чёрных древесных стволах.

Через час или два, потеряв счёт времени и бодрость духа, они вынырнули на поверхность этого безнадёжного моря, сели на поваленный ствол и стали соображать, что делать дальше. Их тела были покрыты синяками и ныли от усталости, провалившись несколько раз в ямы, они промокли до нитки, короткие ноги вязли в рыхлом снегу, деревья становились всё толще и неотличимее друг от друга. Казалось, у Чащи нет ни начала, ни – хуже всего – конца.

– Рассиживаться не стоит, – сказал Крот. – Надо собраться с духом и что-нибудь предпринять. Холодно, и снег так глубок, что мы скоро не сможем идти дальше. – Подумав и оглядевшись, он продолжал: – Послушай, что я надумал. Прямо перед нами что-то вроде прогалины, и там полным-полно всяких бугров и холмиков. Пройдём туда, вдруг да найдём какое-нибудь укрытие – пещеру или нору с сухим дном, защищённую от снега и ветра, и хорошенько отдохнём там перед новой попыткой, потому что мы оба здорово умаялись. Тем временем, может, снег кончится или изменится что-нибудь.

Они встали, прошли к прогалине и стали разыскивать пещеру или хотя бы сухой закуток, укрытый от снега и ветра. Когда они обнюхивали один из облюбованных Крысом холмиков, Крот внезапно споткнулся и с криком рухнул наземь.

– Ой, моя нога! – вскричал он. – Ой, моя бедная нога!

Он сел на снег и обхватил ногу обеими передними лапами.

– Ах ты, бедолага, – сочувственно молвил Крыс. – Не везёт тебе нынче, а? Дай посмотрю твою ногу. – И он встал на колени, чтоб лучше видеть. – Точно, порезал ногу. Сейчас достану платок, перевяжу тебя.

– Верно, набрёл на занесённый пень или сук. О-о-ох! – простонал Крот.

– Настоящий порез, – внимательно присмотревшись, заметил Крыс. – Ветка или пенёк такого не сделают. Так можно порезаться острым краем чего-нибудь металлического. Занятно! – И он, подумав ещё немного и перевязав носовым платком Кроту лапу, стал заново исследовать близлежащие бугры и склоны.

– Да пусть его себе, что бы оно ни было, – заплетающимся от боли языком проговорил Крот. – Чем бы оно ни называлось, всё равно больно.

Но Крыс уже деловито разгребал снег. Он копал всеми четырьмя лапами, всматривался, рыл и скрёб, а Крот нетерпеливо окликал его:

– Ну что же ты, Крыс?

Внезапно Крыс заорал «Ура!», потом «Ура-ра-ра-ура-ра!» и попытался в глубоком снегу сплясать весёлую джигу.

– Что ты там нашёл, Крысик? – спросил Крот, всё ещё потирая ногу.

– Иди посмотри!

Крыс продолжал в восторге приплясывать. Крот подковылял ближе.

– Угу, – медленно вымолвил он. – Прекрасно вижу, и не один раз видел прежде. Знакомая, сказал бы я, штучка. Железная скоба, чтобы соскребать грязь с обуви перед входной дверью. Что дальше? И почему вокруг неё надо танцевать?

– Ты что, не понимаешь, что это значит, бестолковое ты животное?! – нетерпеливо воскликнул Крыс.

– Конечно, понимаю, – ответил Крот. – Некто рассеянный и беззаботный вкопал скобу посреди Дикой Чащи, как раз где об неё наверняка кто-нибудь порежется. Очень неразумно с его стороны, я бы сказал. Дай только доберёмся до дому, я пойду жаловаться к… к кому-нибудь, вот увидишь!

– О боже ты мой! – вскричал Крыс в отчаянии от его тупости. – Кончай рассуждать, иди работать! – и бросился копать так яростно, что во все стороны полетели комья снега.

Через некоторое время его усилия были вознаграждены, ибо перед их взорами предстал истрёпанный дверной коврик.

– А что я тебе говорил?! – с торжеством воскликнул Крыс.

– Ты ничего мне не говорил, – правдиво ответил Крот. – Ну хорошо, – продолжал он, – вот ты нашёл ещё один пришедший в негодность и брошенный предмет домашнего обихода. Теперь ты счастлив, станцуй вокруг него джигу, и хватит уже тратить время на ерунду. На что нам коврик? Мы им закусим или укроемся? Или, как на санях, доедем на нём по снегу до самого дома? Отвечай мне, о неразумный грызун!

– Ты хочешь сказать, – возбуждённо вскричал Крыс, – что этот коврик тебе ничего не говорит?!

– Но, Крыс, – не сдавался Крот, – хватит дурачиться. Кто-нибудь слышал, чтобы коврики говорили? Коврики не умеют говорить. Они под дверью лежат.

– Ладно, – оборвал Крыс, рассерженный уже не на шутку. – Кончай болтовню! Ни слова больше! Долби, копай и ищи, особенно по склонам холмов, если хочешь сегодня спать в тёплой постели, потому что для нас – это последний шанс.

И Крыс атаковал снежную целину, сначала тыкая дубинкой, а потом усердно разгребая снег. Крот тоже копал, но более для того, чтобы угодить Крысу, ибо пришёл к выводу, что его друг не вынес испытаний и повредился в уме.

Через десять минут изнурительного труда Крыс концом дубинки нащупал что-то вроде норы. Зверьки с усилием пробились туда, и результаты трудов воочию предстали перед ошеломлённым и всё ещё недоверчивым Кротом.

В крутом снежном откосе, где, кроме снега, на первый взгляд и быть ничего не могло, виднелась небольшая прочная дверь, крашенная тёмно-зелёной краской. Сбоку висел желез-

ный наконечник звонкового шнура, а рядом, на медной табличке, они прочли гравированную чёткими заглавными буквами надпись:

БАРСУК

От изумления и восторга Крот сел в снег.

– Крыс! – покаянно воскликнул он. – Ты – чудо! Ты – просто чудо! Теперь я всё понимаю. Ты вычислил это в своей мудрой голове, начиная с той минуты, как я упал и порезался. Ты посмотрел на порез и силой своего мощного разума сказал себе: «Железная скоба!», повернулся и обнаружил скобу. Остановился ли ты на этом? Нет. Кто-то другой остановился бы, но не ты. Твой ум продолжал работу. «Если я найду дверной коврик, – сказал ты себе, – моя теория будет доказана». И тут же ты нашёл дверной коврик. Ты так умён, что можешь найти что угодно. «Теперь, – говоришь ты, – дверь существует, это так же ясно, как если бы я её видел. Не остаётся ничего другого, как отыскать её». Я о таком читал в книжках, но в жизни до сих пор не встречал. Ты должен быть оценён по достоинству. Ты просто чахнешь среди нас, мелюзги. Будь у меня твоя голова, Крысик…

– Но раз у тебя её нет, – бесцеремонно перебил Крыс, – ты собрался всю ночь сидеть на снегу и разговаривать? Берись за шнурок и дёргай изо всех сил, а я буду стучать.

Крыс начал колотить в дверь дубинкой, а Крот допрыгнул до шнурка, вцепился в него и, не доставая ногами до земли, стал раскачиваться. Из-за двери раздался низкий глубокий звон.

4. Барсук

Они долго и терпеливо ждали, притопывая в снегу, чтобы не замёрзли ноги. Наконец изнутри послышались приближающиеся шаги. Как сказал Крот, казалось, будто кто-то шёл в мягких шлёпанцах, слишком больших и напрочь стоптанных. Замечание оказалось мудрым, ибо так оно и было.

Заскрежетал засов, дверь чуточку приоткрылась, и показались длинный нос и пара заспанных мигающих глаз.

– Если это хоть раз повторится, – заговорил сиплый подозрительный голос, – я рассержусь по-настоящему. Кому приспичило будить посреди ночи хозяев? Ну!..

– Барсук, Барсук, – закричал Крыс, – впусти нас, пожалуйста! Это я, Крыс, и мой друг Крот, мы заблудились в снегу.

– Крысик, дружище! – воскликнул Барсук совсем другим тоном. – Скорее входите оба! Ну вам и досталось! Вот так дела! Заблудились в снегу! Да ещё в Дикой Чаще и поздно ночью! Да входите же!

Стремясь поскорее попасть в дом, оба приятеля даже столкнулись в проходе и с облегчением и радостью услышали, как за их спинами захлопнулась дверь.

Барсук, в длинном халате и совершенно стоптанных шлёпанцах, видимо, направлялся с подсвечником в спальню, когда раздался их звонок. Он ласково посмотрел на них сверху вниз и погладил по шёрстке:

– В такую ночь малышам незачем выходить из дому. Опять небось твои штучки, Крысик. Но идёмте же, идём прямо на кухню. Там славный ужин, камин и всё, что надо.

Он зашаркал со свечкой впереди, а они, предвкушающе подталкивая друг друга, шли следом по длинному, тёмному и, сказать правду, весьма обшарпанному тоннелю. По сторонам время от времени открывались другие разветвляющиеся тоннелевидные переходы, таинственные и без видимого конца. Но были там и двери – солидные, добротные дубовые двери.

Барсук распахнул одну из них, и друзья оказались в просторной кухне, залитой теплом и светом живого огня.

Пол был выложен красным стёртым кирпичом, по бокам широкого камина к надёжно вделанным в стену брусьям вдали от сквозняка были привинчены уютные сиденья. Пара повёрнутых друг к другу скамей с высокими спинками и подлокотниками предоставляла дополнительные возможности для приятного общения. В центре стоял стол из гладкоструганых досок на козлах, по обе стороны стола – лавки. У торца стола стояло отодвинутое кресло, на столе были остатки простого, но обильного ужина. Из шкафа в дальнем углу подмигивали ряды чистейше намытых тарелок, над головой на крючьях висели окорока, сушёные травы, связки лука и корзины яиц. Это было место, где герои могли отпраздновать победу над врагом, усталые работники, рассевшись по лавкам, отметить весельем и песнями праздник урожая, а двоетрое неприхотливых друзей вдоволь посидеть, поесть, покурить в покое и довольстве. Красный кирпичный пол улыбался закопчённому потолку, вытертые до блеска дубовые скамьи обменивались ободряющими взглядами, тарелки в шкафу ухмылялись горшкам на полке, весёлые отблески огня играли и вспыхивали везде, не отдавая никому предпочтения.

Барсук заботливо усадил их ближе к огню, чтобы они хорошенько прогрелись, упросил снять мокрую одежду, дал шлёпанцы и халаты, а Кроту обмыл и собственноручно заклеил ногу пластырем, так что получилось не хуже, чем до пореза, а может, ещё и лучше. В обволакивающем тепле и ярком свете, с вытянутыми к камину ногами, обсохшим и отогревшимся зверькам представилось, что они добрались до тихой гавани. Дикая Чаща осталась далеко позади, и под заманчивое звяканье мисок всё, что они испытали, представилось полузабытым сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.